

Галустян Седа,
студентка 1 курса направления подготовки
«Реклама и связи с общественностью»
Новороссийского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
2023 год

Великая Отечественная война стала одним из самых страшных и трагических событий в истории нашей страны. Нашему государству пришлось испытать на себе агрессию фашизма. Победа нашей стране досталась огромной ценой: погибло свыше 27 миллионов человек, люди гибли на полях боя, в тылу, в фашистских концлагерях от голода и бесчеловечного отношения. Были разрушены тысячи городов и десятки тысяч деревень. Была уничтожена большая часть инфраструктуры на территориях, захваченных немцами: предприятия, мосты, железные дороги. В настоящее время практически у каждой семьи есть история о предках, которые внесли свой вклад в Победу над фашизмом. Это люди, которые служили в Красной Армии, являлись работниками тыла, стали жертвами оккупации и концлагерей.

Я хочу рассказать об истории брата моего дедушки Георгия Николаевиче Акопяне (1922–1993 гг.), который прошел Великую Отечественную войну и впоследствии написал книгу о своей жизни «Карта моей жизни». Детство Георгия проходило в Азербайджанской ССР в семье служащего. Это были трудные годы бедности и голода. Также в семье росли его три сестры. Служил Георгий Акопян в Красной Армии до февраля 1941 года. Во время службы выбрали его и еще трех человек для того, чтобы ехать в город Харьков в училище среднего состава. В Харькове они проходили командирские курсы. Так, 22 июня 1941 года на утреннем построении было прочитано сообщение Совинформбюро о том, что фашистская Германия напала на Советский Союз, бомбит наши города и села. Пограничники ведут ожесточенные бои. Вскоре их отряд расформировали и отправили по разным воинским частям. Их часть была задействована на правом фланге по берегу Азовского моря освобождать Акманай (Крым). После операции Г. Акопяну присвоили звание младшего лейтенанта.

Далее Георгия отправили на службу в заградотряде. Проходили апрельские дни 1942 года, солдаты держали оборону. Фронт был растянут: левый фланг начинался в Феодосии, а правый доходил до Арабат. «Как-то дико кажется, немцы почти не стреляют, сидят тоже в обороне, но у них в окопах имеются походные печки: топят мелкими дровами, заранее приготовленными, шоколады, мармелады-нужды не знают. А у нас все занятия: чистка оружия, рытье новых окопов. Как-то я лежу в окопе, смотрю налетели мессера, штук шесть. Наши подняли стрельбу. Два наших истребителя завязали воздушный бой. Наконец сбили одного мессера, летчик выбросился на парашюте, а остальные развернулись бежать обратно. Спускающийся немец на парашюте упал недалеко, и мы окружили его. Под куполом парашюта он лежал и не двигался. Поднимаем его, а он опять падает лицом вниз, не хотел разговаривать. Откуда ни возьмись из соседних окопов

подошел высокий старшина. Звали его Бурлак Иван Иванович. Он отодвинул людей, подошел, взял его обоими руками за шею, поднял во весь рост и опустил. Немец упал и перестал дышать. Бурлака забрали в особый отдел и под военный трибунал. Осудили на 8 лет. Двое наших истребителей против шестерых мессеров - очень трудный был бой. Почти час с лишним они боролись в воздухе. В окопах у нас было много времени, и мы пользовались временем - писали письма домой. От этих писем мне становилось легче, как будто я побывал в своем родном селе, которое я и сейчас люблю, потому что там проходило мое детство, которое, я считаю, было самым счастливым временем. Ни с чем несравнимо детство счастливое, несмотря на все трудности бедноты. Писал и любимой, хвастался успехами, что я уже опытный военный и пуля меня не возьмет».

«13 апреля 1942 года я зашел в Керчь в 10 утра. Что там творилось! Город весь в развалинах, войскам счета нет, кто куда идет-не известно. Временами налетают фрицы, бомбят развалины. 14 мая утром я дошел до переправы, а там еще больше людей, чем в городе. Все стремятся переправиться. Вижу, стоит пароход, и производят посадку раненых. Погрузив пароход, комиссар оттянул сам трап и дал разрешение отчаливать. Пароход отплыл на четыре, пять километров. Налетели бомбардировщики и начали бомбить. Три бомбы упали на пароход. Пароход покачался и пошел на дно. Подогнали еще пароход, начали грузить ящики, как-то слух дошел до нас, что грузят медикаменты. К обеду отправился и этот пароход. Этому не дали даже 3 км отойти. Как налетели, разбомбили и отправили на дно. В городе Керчь идут бои, рвутся снаряды, мины и бомбы. Наши не хотят сдавать Керчь, но наше стремление оказалось бесполезным. Наши сдали Керчь 16 мая 1942 года.

В подземелье организовали новые подразделения. Разбивали по батальонам. По неофициальным данным было около 30 тысяч. Я попал в третий батальон, где командиром стал капитан Панов. Организовали продукты питания, воду брали с колодца. Нагревали железо и на нём пекли лепёшки. Ночами делали вылазки, нападали на немцев, отбрасывали от входов, вылезали за водой-такое длилось недолго. После, фашисты капитально заняли поверхность каменоломни. Мы вынуждены были продолжать атаки, ибо мы были без капли воды. Кроме нас плачут дети, женщины. От жажды умирают, пить просят, в подземном госпитале много раненых. Нападали на немцев, их отбрасывали от поверхности, а водоносы брали воду в колодце, возвращались с 20 человек и приносили три ведра воды. Распорядились выкопать туннель к колодцу. Несколько дней пользовались водой. Немцы об этом узнали и тут же сыпался сверху колодец трупами и камнями. Теперь один исход: копать внутри каменоломни свой колодец. Трудов много вложили наши замученные красноармейцы. Вот, наконец, подошли до воды и загремела каменоломня, но не успели пользоваться водой. Фашисты узнали ориентир и ночью сверху пробурили, заложили взрывчатку и взорвали, засыпали наш колодец.

22 мая 1942 мы должны выводить женщин и детей. И вот комиссар Парахин приводит к выходу группу женщин с маленькими детьми. 24 мая 1942 года утром посыпались газовые шашки. Газ наступает, а люди убегают, кого

достаёт газ, тот падает сразу. И так после нескольких газовых атак в подземном гарнизоне осталось мало войск. Однажды разведчики доложили, что немцы расстреляли наших женщин, которых мы передавали, а детей штыками закололи, бросили в яму и закопали.

В одних из боев я дошел до дерева, чтобы сорвать сливу и возле меня взорвался снаряд. На следующий день опомнился- в ушах шумит, ничего не слышу. Ноги засыпаны землёй, но на левой ноге чувствую боль. Затем меня ударили по спине, потом по шее, после по ребрам. Их остановил долговязый фашистский офицер, тогда я понял, что я в плену.

Лагерь военнопленных. Загорожено колючей проволокой в несколько рядов высотой три метра. На всех углах стоят вышки с прожекторами, часовой с автоматом, а вдоль проволоки патрулирует патруль тоже с автоматом. У ворот нас встретило множество немецких офицеров и солдаты, полицейские с кнутами. Затем нас привезли в город Ровно на Западной Украине».

Георгий прошел через множество фашистских лагерей: лагерь для военнопленных города Ровно, лагерь Янов, Демблинский лагерь военнопленных в Польше, рабочий лагерь во Львовской области. По его отзывам кормили пленных остатками картофеля, били, заставляли выполнять тяжелые работы, расстреливали. Также он был заключенным во Львовской тюрьме, где содержался в одиночной камере, претерпевал пытки. Немцы автоматически через каждые полчаса пускали холодную воду на пол. Когда пускали воду из труб по отверстиям заливали пол, были и другие отверстия в стенах, по которым пускали голодных крыс.

Все же ему удалось сбежать из плена. В Польше Георгий познакомился с Марией, на которой он позже женился.

Пройдя Великую Отечественную войну Георгий вместе с женой смог вернуться на Родину.

Георгий Акопян прожил достойную жизнь, работал в народном хозяйстве. В 1962 году перевез свою семью на Кубань, туда, куда он шел дорогами войны. Последние его годы жизни прошли в станице Раевской близ Новороссийска. Акопян Георгий Николаевич ушел из жизни после тяжелой болезни 1993 году в возрасте 70 лет. Всю свою жизнь от детства до окончания войны он описал в своей книге.

Жора – Георгий Николаевич Акопян
1922 - 1993

3

Г. Н. АКОПЯН

КАРТА
МОЕЙ
ЖИЗНИ